

II. Статьи и сообщения

М.В. Шистеров

Шистеров Максим Валерьевич, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук.

АНТИЧНЫЙ ПОЛИС КАК ФЕНОМЕН НАУЧНОГО ВООБРАЖЕНИЯ («город-государство», «безгосударственное общество», «государство без бюрократии»: грани концептуализации)

Автор рассматривает проблему античного полиса как научной категории. В статье рассматривается несколько концептуальных подходов к проблеме полиса («город-государство», «безгосударственное общество», «государство без бюрократии»); обращается внимание на дискуссионные моменты в понимании полиса современными исследователями.

Ключевые слова: полис, историография, город-государство, безгосударственное общество, государство без бюрократии.

Полис – ключевое теоретико-концептуальное понятие, отражающее конкретно-исторические реалии античного мира, без корректного, адекватного понимания которого «в истории этой эпохи вообще мало что можно в полной мере постигнуть» (1). С этим в настоящее время никто спорить не будет. Однако что же такое «античный полис» во многом по-прежнему остается загадкой, несмотря на обилие посвященной этой теме научной литературы (2).

Использование дефиниции «полис» в отечественном антиковедении (особенно активно, начиная с 50-х гг. XX в.) (3), как иногда считают, стимулировалось факторами не столько сугубо академического (научного) характера, сколько специфическими явлениями общественно-политической жизни, условиями, в которых вынуждена была существовать советская историческая наука (в том числе, изучавшая проблемы античности) (4). Одним из первых отечественных исследователей начал активно употреблять термин «полис» в своих работах, представив его развернутую характеристику, С.Л. Утченко (5). Занимаясь историей Поздней Римской республики, С.Л. Утченко рассматривал эпоху гражд-

данских войн в Риме и процесс перехода от Республики к Империи как «социальную революцию», важнейшей атрибуцией и итогом которой он считал выход Рима «за рамки полиса», замену города-государства «новым типом социальной и политической организации, новым типом государства» (6). Отождествляя римскую гражданскую общину (*civitas*) с ее греческим аналогом (*polis*) (7). С.Л. Утченко в тоже время избегал давать какие-либо исчерпывающие, точные дефиниции, полагая, что только через описание «наиболее характерных черт» античного полиса, можно приблизиться к пониманию его истинной природы (8). Достаточно быстро – в течение 1960–1980-х гг. – использование соответствующего термина («полис») стало общепотребительным для обозначения «древнегреческих государств» (и республиканского Рима) (9) в советском антиковедении (10). При этом ключевой, определяющей характеристикой полиса долгое время считалась (и зачастую считается до сих пор) так называемая «античная форма собственности» (11), характерную особенность которой видели, как правило, в том, что «она всегда выступает в противоречивой, двуединой форме, как собственность государственная и как собственность частная», и таким образом, «право частной земельной собственности определяется принадлежностью к гражданской общине» (12). В зависимости от наличия или отсутствия аналитически диагностируемой «античной формы собственности» нередко делался вывод о наличии, либо отсутствии собственно полиса (в классической форме) (13). Важно также подчеркнуть, что существование «античной формы собственности» неизменно связывалось (вслед за К. Марксом) с рабовладельческим характером античного полиса. Так, известный ленинградский/петербургский антиковед Э.Д. Фролов в монографии, специально посвященной феномену древнегреческого полиса, предлагает следующее комплексное определение: «Полис – это элементарное единство города и сельской округи, достаточное для более или менее самодовлеющего существования. Это, далее, простейшая сословно-классовая организация общества, где свободные собственники-граждане, будучи сплочены в искусственно сохраняемую, но выросшую на естественной племенной основе общину, противопоставят массе бесправных и несвободных, жестоко эксплуатируемых людей, чье человеческое достоинство принесено в жертву необходимому общественному разделению труда, исторически обусловленному, но воспринимаемому в гражданской среде как естественное с тем большей легкостью, что рабское состояние – удел чужеземцев. Это, наконец, простейшая, но вместе с тем весьма эффективная форма политической организации – республика, с более или менее развитыми принципами народоправства и материальными гарантиями их реализации, с соответственно ярко выраженной самодеятельностью обладающей необходимыми средствами и

досугом гражданской массы. с обусловленной всем этим высокой развитостью политической идеологии и культуры». Хотя Э.Д. Фролов эксплицитно не упоминает в своем определении полиса «античную форму собственности», но очевидно, что в понимании сущности исследуемого феномена автор исходит из рассуждений К. Маркса, который в «Немецкой идеологии» указывал на неразрывную и обязательную связь «античной общинной и государственной собственности» с рабовладельческим характером полиса (14).

Концепция полиса, представленная в работе признанного корифея петербургской школы антиковедения, в настоящее время продолжает оставаться достаточно авторитетной, имея своих многочисленных сторонников (15), однако в недавней работе известный московский историк, специалист по позднеархаическим и раннеклассическим Афинам И.Е. Суриков, вновь проанализировав содержание категории «античная форма собственности», усомнился в ее действительном значении для понимания феномена полиса. Справедливо указав на то, что «неполная частная собственность» как и ограниченный доступ к земле (главным образом, принадлежностью к общине и/или гражданскому коллективу), когда статус собственника сочетается со статусом полноправного члена общины, в сущности, не являются специфически античными чертами, И.Е. Суриков отказался видеть в так называемой «античной форме собственности» интегральную и главную черту полисного типа общества (16). А как же быть с «античной рабовладельческой демократией»? Отрицание или даже существенная корректировка понятия «античная форма собственности» неизбежно ставит под сомнение тезис о полисе как рабовладельческом государстве. «По нашему глубокому убеждению, – пишет И.Е. Суриков, – такая категория, как “рабовладельческое общество”, – фикция», а «взгляд на древнегреческое общество как на рабовладельческое по существу, то есть основанное на рабском труде и без него невозможное, являет собой упрощение» (17). Сразу оговоримся, мы вполне разделяем процитированные выше принципиальные положения, а также считаем достаточно убедительной приводимую в их подтверждение аргументацию (18). При этом заметим, что доводы, используемые И.Е. Суриковым против концепции «рабовладельческого полиса», отчасти уже высказывались ранее в отечественной исторической науке в ходе знаменитой дискуссии о «рабовладельческом обществе» на Древнем Востоке сторонниками концепции «азиатского способа производства» (19). Сегодня среди отечественных специалистов-востоковедов, пожалуй, почти не осталось убежденных сторонников «рабовладельческого способа производства», якобы повсеместно доминировавшего, как еще недавно считалось, в странах Древнего Востока. В антиковедении ситуация пока иная, потому появление работы

И.Е. Сурикова, акцентирующего внимание на тех сторонах феномена античного полиса, которые прежде оставались в тени, следует признать отрядным явлением. Тем более представляет интерес определение «классического древнегреческого полиса» (20), которое предлагает этот автор в своих работах: «полис есть городская гражданская община, конституирующая себя как государство» (21). Данное определение выгодно отличается своей компактностью от предлагавшихся ранее вариантов «описательного определения» (например, в работе Э.Д. Фролова), а, кроме того, представляется эвристически более значимым, чем попытки определить сущность полиса через схему «система – окружающий мир» (22). Разберем предложенное определение.

Соотношение понятий «полис» и «город» неоднократно дебатировалось как в отечественном, так и в зарубежном антиковедении (23). На том, что городской характер полиса является неотъемлемой чертой самого феномена, настаивал, в частности, Э.Д. Фролов, писавший, что «древнегреческий полис был именно единством города, гражданской общины и государства» (24). В то же время другой выдающийся отечественный антиковед, внесший значительный вклад в разработку полисной проблематики, Г.А. Кошеленко полагал, что эти понятия следует жестко разводить, вплоть до выделения дихотомии «полис – город» (25). При этом «полис» Г.А. Кошеленко понимал как гражданскую землевладельческую общину, а «город» – как зарождающийся центр ремесла и торговли, который своим развитием (ростом частного богатства и рабовладения), разрушая традиционные нормы жизни, основанные на принципах относительного равенства и простого воспроизводства, ставил под сомнение полисные (в основе своей консервативные крестьянские) ценности и нарушал тем самым гражданское единство полиса (26). И.Е. Суриков в вышеуказанной работе, апеллируя к принципу историзма, полагает возможным считать «город» характеризующим элементом полиса, но делает важное уточнение: «пользуясь категорией “город”, следует учитывать, что в античности она не только в количественном, но и в качественном аспекте имела во многом иное смысловое наполнение, нежели в наши дни» (27). Речь идет прежде всего о том, что «античный город» был «интегрально, теснейшим образом связан со своей хорой (сельской округой – *М. Ш.*)» (28). Иначе говоря, в древнегреческой практике не наблюдалось выраженного противопоставления «города» и «деревни», так как основу населения «города» составляли не ремесленники и торговцы (как это было, например, в средневековом городе), а мелкие, средние и крупные граждане-землевладельцы. В этом смысле «античный город» на протяжении большей части своей истории (вплоть до эллинистической и римской эпох) был по преимуществу «аграрным городом» (29). Подобный взгляд на античный «город» развивал

ранее в ряде своих работ, посвященных проблемам урбанизации в древнем мире. известный отечественный ученый-антиковед Ю.В. Андреев. Он совершенно справедливо отмечал, что главной характеризующей чертой «города» в античности был его особый политический статус как «места обитания самоуправляющейся гражданской общины», а поскольку «основным структурным ядром греческого города был полис, т. е. гражданская и. одновременно, поземельная община, главным градообразующим элементом здесь могли быть лишь полноправные земельные собственники, т. е. более или менее зажиточные крестьяне» (30). Это в свою очередь объясняет тот факт, что большинство древнегреческих полисов классического периода (о которых сохранилось достаточно данных) не знало «сколько-нибудь резких социальных контрастов между городом и деревней» (31). В то же время, осознавая невозможность корректного применения к античным реалиям критериев, принятых в современной социологии (в том числе понятия «город» в его современном социологическом смысле), Ю.В. Андреев пытался предложить собственную классификацию «ранних форм урбанизма», что позволило бы, по его мнению, сохранить их историческую специфику. В результате, им было выделено два типа «урбаноморфных поселений», предшествующих собственно городу: «квазигород» и «протогород». Последний определяется также как «ранний город» и, в целом, соответствует «античному городу» классического периода (за редким исключением, вроде позднелатинских Афин, где обладание гражданскими правами и статус землевладельца уже не были жестко скоррелированы, что позволяло людям, не связанным непосредственно с сельским хозяйством (ремесленникам и торговцам), ассоциировать себя с гражданской общиной, потому процессы градообразования зашли здесь наиболее далеко) (32). На наш взгляд, Ю.В. Андреев глубоко прав, когда (вслед за Л. Мамфордом) подчеркивает прежде всего военно-политические функции и назначение античного «города», который следует понимать именно как политический (в меньшей степени, религиозно-культурный) центр полиса, военную цитадель и лишь в последнюю очередь как «промышленный» (ремесленный) и торговый центр (33). Таким образом, понятие «город», если и можно приложить к античному полису (в виде составляющей или структурного элемента), то только с многочисленными и весьма существенными оговорками.

Еще сложнее обстоит дело с понятием «государство», которое по традиции широко применяется к полисному миру античных «городов». Уже Н.Д. Фюстель де Куланж в своей глубоко оригинальной, но недооцененной современниками и потомками работе «Древняя гражданская община» (1864 г.) всячески подчеркивал специфику политического устройства античных обществ, полагая, что определяющим фактором этой

специфики была религиозно-культурная практика («религиозные верования») древних греков и римлян (34). В дальнейшем, однако, под влиянием прежде всего авторитета немецкой науки (И.Г. Дройзен, Т. Моммзен, Эд. Мейер и др.) в историографии возобладали радикально иная точка зрения – модернизаторская, подчеркивающая не отличие древних обществ от современных, но, напротив, их типологическое сходство (35). Тем не менее, сомнения в адекватности традиционного подхода к пониманию политического развития гражданских обществ античности время от времени звучали на страницах антиковедческих (а в последнее время уже не только антиковедческих) журналов, провоцируя неизбежные дискуссии (36). Так, в 1989 г. на страницах самого авторитетного отечественного журнала по древней истории развернулась дискуссия, инициированная полемической статьей известного советского специалиста в области римской истории Е.М. Штаерман (37). В своей работе она, опираясь главным образом на марксистское понимание истории и государства (38), утверждала, что в республиканском Риме (по крайней мере, для IV – III вв. до н. э.) «мы не находим характерных для государства признаков, специального аппарата принуждения, стоящего над обществом и защищающего интересы одного класса» (39). Аргументируя свое мнение, Е.М. Штаерман указывала, в частности, на то, что в Риме периода Республики «аппарат исполнительной власти был ничтожно мал», «не было ничего сходного с прокуратурой», «не было полиции», «граждане не платили налогов, не было аппарата для их сборов», наконец, «в Риме того времени по существу не было органов, способных принудить исполнять законы, да и сами законы не имели санкции» (40). Характер римской ополченческой армии, комплектовавшейся из граждан, также не свидетельствует о ее связи с государством, ибо мощь армии была направлена «не на подавление сограждан, а на завоевания и удержание в повиновении покоренных» (41). Полагая, что Рим эпохи расцвета классической *civitas* вряд ли можно считать «сложившимся государством», исследовательница связала процесс формирования государства в Риме с разложением гражданской общины (Е.М. Штаерман крайне неохотно использовала в своих работах понятие «полис»!), вызванным развитием товарного хозяйства, имущественного неравенства, ростом удельного веса частной («индивидуальной») собственности, увеличением количества рабов и их роли в экономике, завоевательной политикой римлян и складыванием провинциальной системы управления, основанной на административных принципах (42). Концепция Е.М. Штаерман (в своих основных моментах – неортодоксально марксистская) не была поддержана большинством участников дискуссии, хотя многие из отмеченных ею специфических черт «римской государственности» не могут быть отброшены ссылками на то, что «государства в мировой истории могут

принимать самые разнообразные формы» (43). Неудивительно, что некоторое время назад дискуссия о полисном типе государственности (теперь уже применительно к греческому, а не римскому материалу) снова возобновилась.

В 1994 г. с тезисом о безгосударственном характере античного греческого полиса выступил израильский антиковед М. Берент, защитивший по этой теме докторскую диссертацию в Кэмбридже (44). В своей «программной» статье «Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество» он вновь ставит под сомнение традиционный взгляд на полис как «правильное государство» (45). По мнению израильского ученого полис был «не государством, а, скорее, тем, что антропологи называют “безгосударственным обществом”». Под последним понимается относительно эгалитарное нестратифицированное общество, характеризующееся отсутствием аппарата принуждения, а это означает, что право на использование насилия не монополизировано правительством или правящим классом, и возможность использовать силу более или менее равномерно распределена среди вооруженного или потенциально вооруженного населения» (46). В то же время М. Берент не склонен примитивизировать античный полис, полагая, что его безгосударственная природа не является препятствием для признания цивилизованного характера древнегреческого общества (47). Несложно заметить, что методологическую основу отстаиваемого М. Берентом взгляда на классический полис составляет концепция «раннего государства», сформулированная американскими антропологами Х.Й.М. Класеном и П. Скальником (48), а также ее более поздние модификации (особенно, концепция «аграрного государства» Э. Геллнера). Рассматривая государство с этой точки зрения, М. Берент закономерно приходит к выводу, что античный греческий полис не может быть корректно описан при помощи данной модели: отсутствие публичного аппарата принуждения (полиции и постоянной армии), бюрократических механизмов контроля и постоянного аппарата управления (полисные политические учреждения были «общественными, не отделенными от демоса») (49), преобладание внеинституциональных методов регуляции отношений внутри социума делают невозможным применение к полису категории «государства». Попытки некоторых критиков М. Берента оппортировать эти тезисы ссылками на существование в *отдельных* полисах начатков «полицейской системы» (стражники-лучники из числа рабов-скифов в Афинах, «тайная полиция» и сообщества криптов в Спарте и т.п.) не представляются убедительными уже в силу того, что ни Афины, ни Спарту (на материале которых аргументируются данные положения) ни в коей мере нельзя рассматривать в качестве примера *типичного* полиса (50). Частный характер античного рабства (как и отсутствие

«государственной эксплуатации» граждан) также, по мнению М. Берента, свидетельствует против концепции полиса как «правильного государства», контролирующего те или иные социальные группы, либо общество в целом. Таким образом, «полис, скорее, был не государством, а, как говорит Аристотель, представлял собой ассоциацию или партнерство (κοινωνία)» (51).

Концепция «безгосударственного полиса» М. Берента была подвергнута безжалостной (и во многом справедливой) критике (52), однако сторонникам этатистского взгляда на сущность античных сообществ становится все труднее доказывать, что многочисленные «особенности» полисно-республиканских структур классической древности могут быть корректно описаны посредством таких абстрактно-универсальных категорий Нового времени как «государство». Данная концептуальная коллизия заставляет многих историков-антиковедов прибегать при характеристике полиса к различным оговоркам и уточнениям, однако подобного рода паллиативные решения скорее запутывают, чем проясняют проблему. В качестве концептуального решения наиболее «прогрессивные» специалисты предлагают концепцию полиса как «постгосударства» (53), с чем, на наш взгляд, сложно согласиться. Античный полис не был, как представляется, ни «протогосударством», ни «постгосударством». Этот уникальный исторический феномен вообще вряд ли можно корректно описать в рамках традиционной парадигмы политогенеза как однолинейного двухходового моноэволюционного процесса: развития по ступеням от состояния «до» (догосударственные общества) к состоянию «после» (общества, преодолевшие рубеж государственности). По нашему глубокому убеждению, социальная эволюция человечества (как впрочем, и эволюция биологическая) есть процесс внешне недетерминированного, мультивариативного развития, где античные общества Средиземноморья представляют один из наиболее уникальных, а потому ни на что не похожих вариантов социальной самоорганизации. Подлинное значение античности нам видится в том, что созданные ею «претенциозные формы» (54) социальных систем были и во многом остаются (пока цивилизация Запада будет доминировать на нашей планете) главными достижениями социально-политической эволюции.

В качестве своеобразного эпилога приведем здесь собственное определение античного полиса (скорее в учебно-методических, нежели научных целях), которое, как нам представляется, достаточно емко и целостно (и в то же время лексически компактно) отражает характер актуальных представлений об этом историческом феномене, то есть

вполне соответствует парадигме современного научного воображения. Итак, *классический полис* – это автономная гражданская община с городским или протогородским центром (реже – без такового), самоорганизованная в сложную социально-политическую систему, выполняющую функции государства. Или более развернуто: полис – это политически независимая (автономная/суверенная), экономически самодостаточная (автаркичная), как правило, урбанизированная (с городским/протогородским центром), территориально и демографически замкнутая, локальная гражданская община собственников-землевладельцев, представляющая собой сложное социально-экономическое, территориально-политическое и культово-религиозное единство (общественно-политическую форму), основанное прежде всего на гражданской солидарности и внеинституциональных механизмах социального контроля (55), со специфической, не отделенной от гражданского коллектива потестарно-политической и судебной организацией, функционально заменяющей государственный (административно-бюрократический) аппарат.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В.В. Демонтьева, И.Е. Суриков. М., 2010. С. 8. Многие соображения, высказанные И. Е. Суриковым в данной работе, при всей их относительной новизне, нам представляются весьма важными (особенно в контексте отечественной историографии проблемы полиса), поэтому ниже мы еще неоднократно будем обращаться к этой статье-лекции, внося по возможности необходимые, на наш взгляд, коррективы.
2. Для первичного ознакомления с проблемой полиса см.: Коптев А.В. Античное гражданское общество // Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации. Сб. ст. Вологда, 1997. С. 11–30; Круликова Г.И. Античный полис как гражданская община // Запад, Восток и Россия: источник в микро- и макронисторической перспективе: Вопросы всеобщей истории. Сб. ст. Екатеринбург, 2006. Вып. 8. С. 125–142.
3. Русские дореволюционные историки (как и большинство их коллег за рубежом) использовали вместо термина «полис» составное понятие «город-государство»/«государство-город».
4. См., напр.: Каршюк С.Г. Греческий полис: история научного термина // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 5. Екатеринбург, 2008. Вып. 3. С. 226–234. Впрочем, подобным образом сложно объяснить достаточно широкое использование интересующего нас термина в современной зарубежной историографии, где по выражению Могенса Г. Ханссена – одного из крупнейших исследователей данной проблемы, возглавляющего основанный в 1993 г. Копенгагенский центр по изучению полиса (The Copenhagen Polis Centre) – это древнегреческое слово служит для обозначения «города» (*City* как формы социально-политической организации населения и *Town* как ее материального воплощения – урбанистического центра), «государства» (*State*, под которым М.Г. Хансен понимает «конкретную территорию, с наличным населением, а также институционально оформленное центральное правительство, наделенное исключительным правом устанавливать и предписывать юридический порядок на данной территории, обязательный для ее населения») и их комбинации «города-государства» (англ. *City-State*, нем. *Stadtstaat*, дат. *Bystat*, франц. *Cité-État*, итал. *Città-Stato* и др.) См. об этом: Hansen M.

- H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford: New York, 2006. P. 1, 147–148 (notes 1–3). Понятие «полис» широко представлено в таких авторитетных коллективных трудах как «Кембриджская история древнего мира» и «История человечества».
5. Наиболее развернуто см.: Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики: Из истории политических идей I в. до н.э. М., 1952. С. 7–26.
6. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 5.
7. При этом греческое слово «полис» С.Л. Утченко использовал в качестве «видового» понятия, для общего обозначения соответствующих структур (Там же. С. 6).
8. Там же. С. 14. Среди характерных черт полиса С.Л. Утченко отмечал прежде всего так называемые «гарантии» права собственности.
9. Необходимо отметить, что римская *civitas* заслуживает, безусловно, отдельного рассмотрения; см., напр.: Ando C. Was Rome a Polis? // *Classical Antiquity*. 1999. Vol. 18. P. 5–34.
10. Термин «полис» и его производные встречаются в работах таких выдающихся отечественных историков-антиковедов того времени как О. В. Кудрявцев, К.М. Колобова, Л.М. Глускина, А.И. Доватур и др.
11. Понятие, о котором идет речь, было использовано К. Марксом в работе «Пемешкая идеология». Фрагмент из этой работы под заголовком «Формы, предшествующие капиталистическому производству» был опубликован в 1940 г. в «Вестнике древней истории» (№ 1).
12. Марипович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 271. См. также: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. СПб., 2004. С. 15–16 (1-е изд. Л., 1988).
13. См., напр.: Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис // *Античная Греция: Проблемы развития полиса*. М., 1983. Т. 1. С. 31–36.
14. Соответствующий фрагмент из «Пемешкой идеологии» К. Маркса, приводится Э.Д. Фроловым (сокр.): «Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это – совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации» (Цит. по: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. С. 15). Необходимо отметить, что указанная точка зрения и в настоящее время имеет своих убежденных сторонников; см., напр.: Медведев А. П. Был ли греческий полис государством? // *Античный мир и археология*. Сб. ст. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 30.
15. В новейшей коллективной монографии, вышедшей кафедрой истории древней Греции и Рима и посвященной проблемам античной демократии представлен все тот же «фроловский» взгляд на полис, см.: Проблемы античной демократии: Колл. монография / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2010.
16. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 30–34.
17. Там же. С. 38, 39.
18. Там же. С. 34–40. Позицию И.Е. Сурикова по этому вопросу поддержала В. В. Дементьева, один из крупнейших современных отечественных специалистов по раннереспубликанскому Риму; см.: Дементьева В.В. Римская *civitas* республиканской эпохи // *Античный полис*. Курс лекций. С. 141, 143–144. Ср.: Медведев А. П. Указ. соч. С. 28–29.
19. Об «азиатском способе производства» см.: Дискуссия об азиатском способе производства. М.-Л., 1931; Васильев Л.С. Что такое «азиатский» способ производства? // *Народы Азии и Африки*. 1988. № 3. С. 65–75; Ето же. История Востока: В 2-х тт. М., 2001. Т. 1. С. 28 слл. Ср.: Wittfogel K.A. *Oriental Despotism*. New Haven, 1957. P. 12, 17–20.
20. И.Е. Суриков призывает теоретически разграничивать «архаический» и «классический» полис. В это разграничение автор вкладывает не только хронологический, но и стадиально-типологический смысл, см.: Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 13–18.

21. Там же. С. 21. См. также: Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи: Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 38 ; То же. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. М., 2009. С. 23 ; и др.
22. Примеры подобных определений: «Полис – организация господствующего класса (коллектива граждан) перед лицом угнетенных» (Кругликова Г. И. Античный полис как гражданская община. С. 139) ; «Полис – это инструмент противостояния враждебному внешнему миру, основанный на внутренней интеграции коллектива» (Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция: Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. С. 161).
23. Проблематичность использования понятия «город» применительно к античному миру осознавалась уже У. Вилламовицем-Мёллендорфом (Wilamowitz-Möllerndorff U. von, Nicse В. Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. Berlin–Leipzig, 1910. S. 42), а в дальнейшем неоднократно дебатировалась ведущими зарубежными антиковедами, см., напр.: Kirsten E. Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956 ; Hammond M. The City in the Ancient World. Cambridge, 1972 ; Starr Ch. The Economic and Social Growth of Early Greece 800 – 500 B.C. N. Y., 1977 ; Hansen M. H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. Oxford; New York, 2006 ; etc.
24. Фролов О. Д. Рождение греческого полиса. С. 51.
25. Нельзя не отметить влияние на взгляды Г.А. Кошеленко концепций Э. Киретона и Ф. Фиттингофа.
26. Подробнее см.: Кошеленко Г.А. Полис и город: к постановке проблемы // Вестник древней истории (далее ВДИ). 1980. № 1. С. 3–27.
27. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 20. Здесь же автор пишет: «Такой тип населенного пункта, который по современным меркам никак не может считаться городом и который мы ни в коем случае не признали бы таковым, в античном греческом мире вполне мог восприниматься как город» (Там же). Проблема, однако, заключается в том, что у греков, судя по всему, не было специального обозначения для «города», отличного от полисемантического понятия «полис» («город» выступает лишь территориальным воплощением «полиса», его общественно-политическим и религиозно-культурным центром). Можно ли в таком случае говорить, что древний грек мог воспринимать что бы то ни было как «город» в том социологическом смысле, который мы вкладываем в это понятие в настоящее время (даже если речь идет о городе доиндустриальном)? Были ли древние греки вообще знакомы с понятием «город»? Тем более, как отмечает сам И.Е. Суриков, в классическую эпоху у греков еще не сложилось характерного противопоставления «города» и «деревни». Глубокий исследователь проблемы раннегреческого полиса Ю.В. Андреев в связи с поставленной проблемой отмечает: «В государствах такого типа (полисах – М. III) настоящая противоположность между городом и деревней не могла сложиться хотя бы потому, что в них нередко отсутствовал второй элемент этой дихотомии, т. е. сама деревня как особый противостоящий городу тип поселения, а сами горожане вели, в сущности, полугородской-полудеревенский образ жизни, поскольку многие из них сами обрабатывали свои наделы, другие делали это с помощью рабов и поденщиков, но так же, как и первые, были непосредственно связаны с землей и сельским хозяйством» (Андреев Ю.В. Историческая специфика греческой урбанизации // Он же. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003. С. 328–329).
28. Суриков И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 21.
29. Там же.
30. Андреев Ю.В. Историческая специфика греческой урбанизации. С. 327. Следует отметить, что в основе отстаиваемого Ю.В. Андреевым взгляда на характер античного (древнегреческого) города лежат тезисы, высказанные в ряде работ К. Маркса и Ф. Энгельса, см.: Там же. С. 322–324.
31. Там же. С. 328.
32. «Важнейшая специфическая особенность протогорода, отличающая его от собственно города, заключается в том, что, несмотря на отмеченную выше гетерогенность его населения, его основную массу составляли, как правило, крестьяне-земледельцы, сохранявшие

при переселении в город свои права членов поземельной общины и, что особенно важно, свою землю и основной род занятий – земледелие и скотоводство... Даже в государствах античного мира поселения протогородского типа, т. е. с преимущественно крестьянским населением, в течение достаточно долгого времени занимали доминирующее положение» (Алдреев Ю.В. Ранние формы урбанизации // Он же. Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. С. 304, 306).

33. Ср.: Кругликова Г.И. Генезис древних цивилизаций Месопотамии и Египта: общее и особенное // Запад, Восток и Россия: национально-культурная идентичность в историческом контексте: Вопросы всеобщей истории. Сб. ст. Екатеринбург, 2008. Вып. 10. С. 135–136.

34. Fustel de Coulanges N. D. La Cité Antique. Étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome. P., 1864. Рус. перевод: Фюстель де Куланж П. Д. Древняя гражданская община: Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима / Пер. с фр. П.И. Спиридонова; 3-е изд. М., 2011. Кроме того, издательством «Центрполиграф» в 2010 г. был опубликован новый (незначительно сокращенный) перевод труда Н.Д. Фюстеля де Куланжа, выполненный с английского изд., см.: Фюстель де Куланж. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2010.

35. В отечественной историографии этот подход наиболее явно воплотился в творчестве Р.Ю. Виппера. см.: Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи. Избр. соч. в 2-х тт. Т. 1–2. Ростов н/Д., 1995.

36. В настоящее время можно говорить о существовании двух направлений в понимании данной проблемы: статистического (те, кто признает государственный характер античных обществ) и нестатистического (те, кто настаивает на неадекватности такого отождествления). Первый подход характерен для немецкой, англо-американской и советской/русской науки об античности, второй – более свойственен итальянской и испанской историографии; см. об этом: Дементьева В.В. Указ. соч. С. 149 слд.

37. Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 76–94.

38. Так, в частности, понятие «государство» Е.М. Штаерман трактовала следующим образом: «государство, т. е. оторванный от народа аппарат принуждения, действующий в интересах класса эксплуататоров», который «появляется с выделением частной собственности из коллективной и разделением общества на классы, когда власть, сложившаяся в рамках родовой, общинной организации, уже оказывается неспособной обеспечить функционирование жизнедеятельности общественного организма в новых условиях» (Там же. С. 77).

39. Там же. С. 87. Е.М. Штаерман указывает на специфический характер «античной формы собственности», которая «не была частной в той форме, как буржуазная частная собственность», а также на несформированность классовой структуры (Там же. С. 79 слд.).

40. Там же. С. 88. Еще более впечатляющая (и убедительно аргументированная) картина, подчеркивающая специфику судебной системы античных обществ (на примере Афин), представлена в недавней работе Т. В. Кудрявцевой. см.: Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. Автор справедливо отмечает, что «законы в афинском судебном процессе, в отличие от современного, отнюдь не были самодостаточны: т. е., чтобы изобличить преступника и добиться его осуждения, недостаточно было указать на соответствующий закон, под который подпадает данное правонарушение, даже если таковой имелся в наличии; судьи в афинских судах судили, главным образом, не «по закону», а «по справедливости», тем самым демонстрируя, что при демократии высшей властью является не высший авторитет в виде закона, а воля народа (Там же. С. 394 слд.).

41. Штаерман Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме. С. 88 слд.

42. Там же. С. 89–92.

43. Суриков И.Ф. Греческий полис архаической и классической эпох. С. 41.

44. Научным руководителем М. Берента был известный специалист по истории классической Греции П. Каргледж.

45. Берент М. Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // *Альтернативные пути к цивилизации* / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лышши. М., 2000. С. 235–258. Взгляд на античное общество как «безгосударственное» М. Берент развивал и в более ранних работах, см.: Berent M. *Polbes and the Greek Tongues // History of Political Thought*. Vol. XVII. 1996. № 1. P. 36–59; Idem. *Stasis, or the Greek Invention of Politics // Ibid.* Vol. XIX. 1998. № 3. P. 331–362.
46. Берент М. Безгосударственный полис... С. 235. Последний тезис М. Берента о «потенциально вооруженном населении» (если иметь в виду гражданское население полиса) вряд ли возможно убедительно оспорить (Ср.: Медведев А. П. Указ. соч. С. 22). Любопытно, что один из «отцов-основателей» США Б. Франклин в свое время метко подметил, что «демократия – это пространство договоренности свободных вооруженных мужчин». Не потому ли и в настоящее время среди политологов и историков высказываются сомнения: являются ли Соединенные Штаты Америки государством «в правильном понимании»? Ср.: Hansen M. *Was the Polis a State or a Stateless Society? // Even More Studies in the Ancient Greek Polis: Papers from the Copenhagen Polis Centre 6* / Ed. T. H. Nielsen. Stuttgart, 2002. P. 18; Ван дер Влиг Э. Ч. Л. Полис: проблема государственности // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, П. П. Крадина, А. В. Коротаева. Сб. ст. Волгоград, 2006. С. 387–388.
47. Берент М. Безгосударственный полис... С. 236.
48. См., напр.: Classen H. J. M., Skalknik P. (Eds.). *The Early State*. The Hague; Paris; New York, 1978.
49. Это в значительной степени справедливо даже для Афин, где процесс «государственного строительства» зашел, по-видимому, наиболее далеко; см., напр.: Finley M. *The Ancient Greeks*. Harmondsworth, 1977. P. 75.
50. Характерно (и парадоксально!) в этом смысле утверждение А. П. Медведева: «В классическом полисе постоянный аппарат принуждения по сравнению с современным действительно был мал. Но хорошо известно, что его размеры завяжут не столько от зрелости государства (иначе самыми совершенными государствами придется признать деспотии, империи и разного рода диктатуры), сколько от реальной потребности держать общество в жесткой узде. В греческом полисе и римской республике слабость и немногочисленность государственного аппарата компенсировалась другими социальными регуляторами, среди которых исключительно важную роль играли «отеческие установления» и «заветы предков» вроде римского *mos maiorum*, полисные идеалы и полисная мораль, влиятельное общественное мнение и т. п. *В этом смысле античная государственность, кажется, забежала далеко вперед, намного опередив свою эпоху* (курсив паш М. Ш.)» (Медведев А. П. Указ. соч. С. 24.). То, что веякого рода «отеческие установления» и «заветы предков» играли исключительно важную роль в античных обществах, сегодня, пожалуй, уже ни у кого не вызывает сомнений, как и то, что все эти элементы с избытком (и в самых разных вариациях) встречаются едва ли не в любом догосударственном обществе. Равным образом остается непонятным как «влиятельное общественное мнение» соотносится с уровнем развития государственности? Хорошо известно, что по мере развития государственных принципов управления внеинституциональные механизмы контроля (к которым следует отнести и «влиятельное общественное мнение») заменяются институционализированными. Спорным представляется также тезис А. П. Медведева об отсутствии связи между степенью «зрелости государства» и размерами «постоянного аппарата принуждения» (к которому, безусловно, должен быть отнесен административно-чиновничий аппарат управления). Известный специалист по раннеимператорскому Риму А. В. Махлаюк в одной из своих работ приводит следующие небезынтересные данные: «К числу очевидных парадоксов Ранней Римской империи можно отнести то, что как мировая держава она имела довольно-таки рудиментарную систему управления без развитленного бюрократического аппарата. Эта система как “сверху”, на уровне императорской администрации, так и “снизу”, на уровне городских общин, в значительной мере строилась на полисных основах. Действительно, даже в IV в. имперское правительство располагало немногим больше

30 тысяч чиновников. Для периода же расцвета Империи в I–II вв. это число оценивается примерно в 10–12 тысяч, т. е. приблизительно один на 5 тысяч подданных. Число же высших “управленцев” сенаторского и всаднического ранга, включая заместителей провинций, составляло примерно 160 человек. Для сравнения в Китае XII в., который по численности населения примерно соответствует Ранней Римской империи, в провинциальном управлении было занято в 25 раз больше государственных служащих (К. Гонкинс). Федеральное же правительство США использует более 3 миллионов гражданских служащих (один на 80 жителей страны), не считая более 4,5 млн чиновников в отдельных штатах. В Российской Федерации общая численность госслужащих в федеральных и региональных органах законодательной, исполнительной и судебной власти превышает 1,1 млн. Конечно, в Римской империи немалую долю текущих административно-управленческих задач, прежде всего на “низовом” провинциальном уровне, выполняли военные. По всевооруженные силы в эпоху Принципата насчитывали около 350 тысяч человек (менее 1 % от общей численности населения Империи, имевшей весьма протяженные границы и предпринимавшей время от времени довольно масштабные завоевательные акции). Гражданской полиции как таковой вовсе не существовало. Количество же императорских тайных агентов (так называемых *фрументариев*) колеблется, по разным оценкам, от 200 до 800 человек (Махлаяк А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // Античный полис. Курс лекций. С. 190–191). Что же касается сентенции автора о том, что античная государственность «забежала далеко вперед» (эта мысль повторяется в тексте А. П. Медведева неоднократно!), то этот тезис вообще представляется недоказуемым, каким бы образом эту самую «античную государственность» не понимать.

51. Аргумент об отсутствии в греческой и латинской лексике слова/слов, которые можно было бы с уверенностью отождествить с современным понятием «государство» часто используют сторонники неэтикетского подхода для доказательства порочности (анахроничности) самого этикетского взгляда на античные общества.

52. См. об этом: Ван дер Влиг Э. Ч. *Полис: проблема государственности // Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. С. 387–412; Гринин Я. Е. *Раннее государство и демократия // Там же*. С. 337–386; Медведев А. П. *Указ. соч.* С. 17–32; Berent M. *The Stateless Polis: A Reply to Critics // Social Evolution and History*. 2006. Vol. 5. № 1. P. 141–163; Faraguna M. *Individuo, stato e comunità. Studi recenti sulla polis // Dike*. 2000. № 3. P. 217–229; Hansen M. *Was the Polis a State or a Stateless Society? P. 17–47*; Miyazaki M. *Public Coercive Power of the Greek Polis (On a Recent Debate) // Bulletin of the Institute for Mediterranean Studies*. 2007. № 5. P. 87–100; Paiaro D. *La ciudad democrática y el poder coercitivo de la pólis // III – II Jornadas Nacionales de Historia Antigua*. 2011. P. 312–322; etc.

53. Так, И. Е. Суриков, признавая, что полис как форма социально-политической организации «не просто не похож, а кардинально не похож на большинство иных государств – древних или современных», пишет, что «его специфика, возможно, и заслуживала бы какого-то специального места в категориальном аппарате». Выдвигая гипотезу о полисе как «постгосударстве», он, по нашему мнению, заметно идеализирует исторические реалии: «Полис – некая великолепная целостность, социальная и духовный “космос”. По нашему глубокому убеждению, это вообще самый совершенный тип общности людей, какой только существовал когда-либо в мировой истории. Он в наибольшей степени способствовал развитию как личности, так и коллектива, давал реальное, а не фиктивное равенство граждан, реальное, а не фиктивное широкое политическое участие. Все остальные формы государственности по сравнению с полисом выглядят уже некоторой деградацией, пусть даже и неизбежной. Ни в каких других типах государств не было такого раскрепощения творческого, созидательного духа, такого взлета и процветания культуры и т. д.» (Суриков И. Е. *Греческий полис архаической и классической эпох.* С. 41–43). Подобная апологетическая точка зрения историка-античника, безусловно, не может не вызывать искренних симпатий у всех, кому небезразличен греческий полис, но вряд ли может быть убедительно обоснована.

54. См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. СПб., 2007. С. 45 слл.

55. Даже исследователи, придерживающиеся этатистского взгляда на характер римского республиканского общества, которое, насколько можно судить, было максимально институционализированным из всех античных сообществ, вынуждены признавать, что «римская конституция включала такие элементы, как государственная (?! – *М. III*) этика, авторитет и опыт», а неписанные обычаи подлежали столь же неукоснительному исполнению, как и законы (Дементьева В. В. Указ. соч. С. 156).

Maxim V. Shisterov

ANCIENT POLIS AS A PHENOMENON SCIENTIFIC IMAGINATION ("City-state", "Stateless Society", "State without Bureaucracy": Aspects of Conceptualization)

Abstract: The author considers the problem of the ancient polis as a scientific category. The article discusses several conceptual approaches to policy ("city-state", "stateless society", "state without bureaucracy"). The author considers the discussion points in the understanding of the policy by modern researchers.

Keywords: polis, historiography, the city-state, a stateless society, without government bureaucracy.

Е.С. Соколова

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ГРАЖДАНИНА-ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦА И ПРОБЛЕМА «УПАДКА НРАВОВ» В ЛАТИНСКОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ ЭПОХИ РАННЕГО ПРИНЦИПАТА: ОПЫТ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема разрушения в эпоху ранней Римской империи традиционной модели гражданина-землевладельца, что сопровождалось усложнением семантического языка природного ландшафта и загородной виллы. Нивелировка этических ценностей республиканского периода связывается автором с процессом